

Вырезка из газеты
СОВЕТСКАЯ КУБАНЬ

г. Краснодар

11 НОЯ 1982

В мире искусства

Театральные премьеры
Ильи Глазунова

Широта творческих интересов народного художника СССР Ильи Глазунова удивительна. Полотна на исторические темы, блистательные иллюстрации к произведениям Достоевского, Лескова, Гончарова, Некрасова, портреты выдающихся политических деятелей и деятелей современной мировой культуры, строителей БАМа и Нурекской ГЭС, картины, рассказывающие о любви и надеждах, радостях и печалах человека... В последние годы Ильи Глазунов обратился и к театру.

«Театральный дебют» Глазунова состоялся пять лет назад в ГДР. По приглашению руководства Берлинской государственной оперы он вместе с главным режиссером Большого театра СССР Борисом Покровским и художницей по костюмам Ниной Виноградовой-Бенуа осуществил постановку оперы Бородина «Князь Игорь». Создание декораций к этому спектаклю было своего рода продолжением многолетней работы Глазунова над циклом картин, посвященных волнующей его теме — истории борьбы русского народа с иноземными завоевателями за свою национальную свободу и независимость.

Затем последовало новое предложение Берлинского театра: оформить оперу «Пиковая дама» Чайковского. Иная эпоха, иная тема. Иные выразительные средства использует и художник. Уже не ширь степных просторов, не вязь княжеских теремов на его эскизах, а мистическая напряженность покоев графини, игорного зала. Яркая эмоциональность глазуновских декораций, костюмы Нины Виноградовой-Бенуа, изобретательная режиссура Бориса Покровского были высоко оценены и зрителями, и критикой.

Спрашиваю Илью Глазунова, чем привлекает его театр, что дает ему это сотрудничество?

— Многие русские художники работали для музыкального театра, — говорит он. — Достаточно вспомнить таких корифеев, как Коровин, Васнецов, Бенуа. Общение с музыкой великих композиторов уже само по себе наслаждение. Перед художником — постановщиком оперного или балетного спектакля стоят сложные творческие задачи: создать «среду обитания» героев, с одной стороны, и художественный символ всего спектакля — с другой. Меня привлекает возможность самому осмыслить музыкальную тему, найти ее живописный эквивалент.

— Не стесняет ли вас как художника необходимость считаться с замыслом постановщика, решениями балетмейстера?

— Конечно, споры, столкновения мнений неизбежны. Я предлагаю эскиз сцены, а постановщик говорит, например,

это отсюда уберечь, здесь у меня войско стоять будет, а это передвинуть — балерине помешает... С чем-то приходится считаться, что-то отстаивать, в чем-то идти на уступки, если понимаешь их оправданность. Как всякий художник, работающий в театре, я не навязываю своего видения, а лишь стремлюсь выразить творческий замысел режиссера и композитора, преломив его через свою индивидуальность...

В мастерской Глазунова среди полотен законченных и только начатых я вижу эскизы еще к одной театральной постановке — на сей раз в Большом театре Союза ССР. Это опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии».

— Это моя третья работа с Борисом Покровским, — поясняет художник. — Мне нравится его подход к классическому музыкальному наследию. Мы оба отвергаем и бескрылый натурализм, и абстрактное формотворчество. Театру они противопоказаны так же, как и другим видам искусства.

Будущей премьере Ильи Глазунов придает большое значение: дебют в Большом театре — экзамен даже для маститого художника.

А рядом с театральными эскизами стоит только что законченный портрет солистки Большого театра, выдающейся певицы Елены Образцовой: откровенная живописная декоративность театрального платья и поразительно тонко выписанное лицо духовно-богатой личности. В лучистых глазах — радость служения любимой музе, жажда дарить свой талант людям.

Общеизвестна фантастическая работоспособность Ильи Глазунова, его необычайная увлеченность тем, что делает. Сейчас, кроме эскизов к «Граду Китежу», у него в работе цикл новых философских картин, оформление десяти-томника произведений Достоевского. Много времени и сил требует и профессорская стезя: он руководит мастерской портрета в Московском институте имени Сурикова, проявляет заботу о развитии традиций русской академической школы живописи.

— Искусство не самоцель, — говорит художник, — и оно немислимо вне школы, вне тесной связи с достижениями прошлого, без преемственности традиций и сознания своих обязанностей перед обществом. Свой моральный долг как художник я вижу в утверждении гуманизма, в осмыслении в своем творчестве, в том числе и театральном, различных явлений жизни прошлой и современной.

Валерий САНКОВ
Корреспондент АПН.